
НЕФОРМАЛИЗОВАННЫЕ ДАННЫЕ: МЕТОДЫ СБОРА И АНАЛИЗА

Е.Ю. Рождественская
(Москва)

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ДОСТУП К «СУБЪЕКТИВНЫМ МИКРОТЕОРИЯМ» И ОБЫДЕННОМУ ЗНАНИЮ¹

В статье ставятся задачи ревизии маннгеймовского понятия документального доступа к индексальности «пространств опыта», а также различий понятий «понимание» и «интерпретация», «конъюнктивный опыт» и «коммуникативный опыт». Метод групповой дискуссии тестируется как резервуар конъюнктивного/дизъюнктивного и коммуникативного опыта, а коммуникативная валидизация апробируется как способ подтверждения субъективных микротеорий в ходе групповой дискуссии. В результате анализа эмпирического кейса обыденного знания о маскулинности уточняется терминология, обслуживающая дискурс коллективных биографий, а также корректируется методическое сопровождение групповых дискуссий, развивающееся в сторону контролируемой интервенции исследователя-модератора, который участвует в валидизации обобщения конъюнктивного/дизъюнктивного и коммуникативного опыта.

Ключевые слова: документальный доступ, субъективные теории, конъюнктивный опыт, коллективные биографии, коммуникативная валидизация, групповая дискуссия, маскулинность.

Елена Юрьевна Рождественская – кандидат философских наук, профессор НИУ «ВШЭ», ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: rusica@isras.ru.

¹ Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований ГУ–ВШЭ в 2010 г.

Введение

В рамках биографического интервью, проводимого индивидуально, могут вырваться задачи специфического рода – интервенция в мир субъективных теорий респондента. Для этого можно непропорционально расширить предназначенные для решения этой специальной задачи фазы нарративного расспрашивания, отражающие активную роль исследователя. Цель в этом случае заключается в обнаружении системы рационализованного респондентом обыденного знания, структуры аргументов, приемов обоснования взглядов, по совокупности помогающих рассказчику справиться с задачей объяснения своего опыта. Соответственно сложные когнитивные системы (объекта познания) можно вслед за зарубежными авторами рассматривать в качестве интуитивных, имплицитных или субъективных теорий [1]. В этих субъективных теориях манифестируется образ мира и идентичности и может быть как минимум прослежена имплицитная структура аргументации. Частично структуры аргументации содержатся в нарративно рассказываемой биографии, которая открывается как *символически предструктурированный объект*. Носитель биографии, как и все другие населяющие историю персонажи, обладают полнотой того дотеоретического, еще не проинтерпретированного нами знания, с помощью которого они в состоянии компетентно говорить и согласованно действовать. Не удовлетворяясь перспективой исследования сформулированного отдельным информантом «повседневного знания», его субъективных теорий, подсказывающих ответы на вопросы «почему?» и «как?» относительно совершенного действия и занятой позиции, мы попытаемся расширить возможности нарративной документализации субъективных теорий, но уже в группе индивидов, а также повысить шансы на их валидизацию.

В качестве одного из методологических источников для решения этой задачи мы используем прежде всего диалогогерменевтическую методику исследовательской программы

«Субъективные теории» [2; 3], где задействована проспективно-элаборативная модель субъекта. Центральный пункт этой программы – структурная параллель между субъектом и объектом познания, что означает: повседневное мышление (объект познания) выполняет функции (субъективного) объяснения, прогноза и применения знания, сходного с научными теориями.

Инструментом этого направления исследований служит методика, ориентированная на консенсус в диалоге. Таким образом, в узком смысле субъективные теории означают, что субъект познания стоит перед перспективой понять свой индивидуальный взгляд на окружающий социальный мир и себя в нем (объект познания), об этом с ним можно и нужно говорить. Речь идет о том, чтобы понять сложные когнитивные системы объекта, причем об адекватности понимаемого субъектом социально-научного познания может судить лишь сам респондент. Соответственно, консенсус в диалоге возникает тогда, когда субъект познания согласовывает/соотносит понятое с объектом познания, причем каждый акт понимания интерпретируется и реконструируется в результате коммуникативной валидации [1]. Последнее понятие отражает приемы диалогического подтверждения, в которых респонденту парафразно предъявляется продукт его аргументации, с которым он волен согласиться, отклонить или подкорректировать. Таким образом, исследователь соучаствует в процессе формулировки структур обыденного знания, но конечная валидация принадлежит респонденту.

В структуре аргументированного обыденного знания нас будут интересовать: 1) различия между прямолинейными и спиралевидными процессами вывода, 2) дихотомия объяснения (зачем-почему, эксплицируя исходные позиции) и аргументирования (проблематичных притязаний), 3) дифференциация обоснования, возражения, оправдания, делегитимации. Динамика использования этих риторических средств в диалоге-разговоре ожидаемо отражает процессуальный характер доступа к структурам обыденного знания, своего рода драматургию подхода к нему.

Методический доступ к этим структурам, соответственно, и их актуализация в разговоре канализируются в групповой дискуссии, а оценочным инструментом выступает документальный метод, ранняя версия которого принадлежит К. Маннгейму, а позднейшая – Р. Бонзаку [4]. В этом смысле мы выстраиваем преемственность понятий субъективные теории – коллективное обыденное знание – пространство конъюнктивного опыта.

Вначале мы обратимся к уже подзабытой работе К. Маннгейма [5] о документальном методе интерпретации, ее переосмысление позволит конвертировать в актуальную исследовательскую практику ряд понятий, эвристичных для изучения интерпретативной документальности. Затем мы рассмотрим «след Маннгейма» в дискурсивном анализе групповой дискуссии у Р. Бонзака. Далее, в приближении к собственному объекту эмпирического анализа, мы воспользуемся понятием хабитуса как носителя документального смысла (Э. Панофский) и медиума конъюнкции. Понятие «гендерный хабитус», возникшее из переноса категории П. Бурдьё на отношения полов, получит свое развитие в понятийной паре хабитусной уверенности/безопасности, введенной М. Мойзером. Эта ветка размышлений служит операционализации для целей анализа выбранного нами эмпирического объекта – субъективных теорий маскулинности в социально дифференцированных милье. Тем не менее, конкретность данного эмпирического кейса не должна заслонить нашего преимущественного внимания к проблемам методологии анализа: кейс служит скорее примером обращения к феномену коллективных биографий и методически доступному уровню субъективных теорий.

*Постановка исследовательской задачи:
реви́зия документального метода
интерпретации К. Маннгейма*

Наш интерес к документальному методу в версии К. Маннгейма и отчасти завроженность термином, обещающим доступ к

структурам обыденного знания, продиктован перспективой применить его в сочетании с интербиографическим исследованием (коллективные биографии) и групповой дискуссией. Исходя из этой перспективы мы формулируем свои задачи как: 1) ревизия релевантных маннгеймовских понятий (доступ к индексальности чуждых «пространств опыта», различение понимания и интерпретации, конъюнктивного и коммуникативного опыта), 2) тестирование платформы групповой дискуссии как резервуара конъюнктивного/дизъюнктивного и коммуникативного опыта и 3) апробация коммуникативной валидации как способа ведения групповой дискуссии в целях обнаружения субъективных микротеорий. В качестве ожидаемого результата мы предполагаем добиться уточненного понимания терминологии, обслуживающей дискурс коллективных биографий, а также скорректированного методического сопровождения групповых дискуссий, развивающегося в сторону контролируемой интервенции исследователя-модератора, который в состоянии предлагать и в парафразе возвращать дискутирующим на валидизацию обобщения конъюнктивного/дизъюнктивного и коммуникативного опыта.

В объяснительную модель групповой дискуссии как платформы, вырабатывающей групповое/коллективное обыденное знание, вовлекаются феномены, структурирующие коллективные биографии, – социально-исторические события, поколенческие характеристики, полоспецифические коннотации, специфика милье¹. Таким образом, в фокусе анализа – порождающая связь коллективного опыта и структур коллективного сознания в формате обыденного знания и субъективных теорий, претендующих на объяснение пережитого.

Социологическая концепция, несмотря на свою давность и сегодня сохраняющая для милье и поколенческих взаимосвязей тео-

¹ Социальная милье/среда — совокупность людей и их отношений, имеющих сходные условия и стили жизни, как концепция, берет свое начало в работах Э. Дюркгейма и П. Бурдьё.

ретическое и методологическое значение, – это документальный метод интерпретации К. Маннгейма [5]. Маннгейм утверждает, что именно общее переживание милье-специфической дезинтеграции и биографических разрывов в историях тех, кто затронут такой судьбой, позволяет обосновать новые коллективные «пространства опыта», или идентичности.

Какие смыслы этой работы Маннгейма стоит вынести на авансцену актуальной дискуссии?

- Невольную и непреднамеренную связь с этнометодологией.
- Модус понимания и интерпретации.
- Различение конъюнктивного и коммуникативного опыта.
- Дискурсивность.

Гарфинкеллизация Маннгейма

Судя по хронологии событий, написанная и опубликованная в 20-х годах XX в. книга К. Маннгейма была реинтерпретирована Г. Гарфинкелем для доклада о документальном методе, подготовленном в целях участия в 4 Международном конгрессе по социологии в 1959 г. Гарфинкель в статье «Обыденное знание социальных структур...», признавая, что документальный метод Маннгейма «резко отличается от методов чистого наблюдения» [6, с. 4], тем не менее описывает свою попытку провести эксперименты для его проверки, сфокусированную на теме хрупкости повседневной коммуникации в спровоцированных кризисных ситуациях. «Для этой цели была разработана демонстрация документального метода, которая должна была “выпятить” свойства используемого метода и “поймать на лету” работу этого процесса “производства фактов”» [6, с. 5]. В результате Гарфинкель приходит к следующему выводу: «Документальный метод есть научно ошибочная процедура; что его использование искажает объективный мир в зеркале субъективного предубеждения; и что там, где ситуации выбора на уровне здравого смысла существуют, они осуществля-

ются как исторические помехи» [6, с. 18]. Сегодня мы бы сказали, что объективного мира в том естественно-научном смысле не существует, субъективность эпистемологически реабилитирована в определенных парадигмах знания, а эксперименты с наблюдением, разрушающие фоновые смысловые ожидания, такие как полевой метод, непригодны для реконструкции процессуальных структур прожитого опыта и накапливаемых смысловых паттернов, как предполагает Маннгейм.

А что, собственно, он предполагает? Согласно Мангейму, документальный метод нацелен на поиск «...идентичного гомологичного паттерна, лежащего в основе огромного разнообразия совершенно различных пониманий смысла» (цит. по: [6, с. 4]). Метод состоит в том, что реальное проявление рассматривается как «документальное свидетельство», как «указывающее на», как «замещающее» предполагаемый лежащий в основе паттерн. И не только лежащий в основе паттерн выводится из своих индивидуальных документальных свидетельств, но и индивидуальные документальные свидетельства в свою очередь интерпретируются на основе «того, что известно» о паттерне, лежащем в их основе. Одно используется для разработки другого [6, с. 4].

Документальный метод в смысле этнометодологии – интерпретативный метод для снятия неопределенности ситуативно зависимых или окказиональных выражений. Документальным методом интерпретации мы обнаруживаем паттерн, в котором действие и речь приобретают смысл для обеих сторон. Речевые высказывания в повседневности, как и в науке, в основном индексичны [7, с. 119], т.е. имеют характер индикаторов для интерпретативного (в документальной интерпретации) заключения о смысле. Индексальность языка повседневности основана на допущении, что все участвующие разделяют некое совместное знание. Не забудем о контексте: предметом эмпирического анализа этнометодологов зачастую становятся процессы понимания и интерпретации в таких бюрократических структурах и средствах государственного

контроля, как полиция, юстиция, социальная работа и социальные исследования. Вопрос ставился так: как «общественные факты», например, преступность (включая биографии преступников) и «истина», производятся в судебном расследовании вне анализа, что есть преступность и истина. К подобной процессуальной или генетической аналитической установке, как она названа Маннгеймом, примыкают конструктивистские подходы (К. Кнорр-Цетина), в рамках которых стали возможными реконструкции идентичностей и биографий, например, преступников, психических больных, транссексуалов.

Все же этнометодология на основе своей конструктивистской рамки остается, на взгляд немецкого социолога-«качественника» Р. Бонзака, половинчатой социологией знания [8, S. 216], так как на вопрос, как может быть найден адекватный методический доступ к индексальности чуждой милье-специфической действительности, не дает ответа. В то же время у Маннгейма речь идет о необходимости найти адекватный доступ к индексальности чуждых «пространств опыта», что аналогично вопросу: как происходит производство социальной действительности? В отличие от этнометодологического вопроса о теоретических конструктах чужого/иного речь идет о том, что порождено в прожитой действительности в практике милье-специфического или биографического действия и задокументировано в рассказах, диалогах, дискуссиях, описаниях и дискурсах.

Понимание и интерпретация у Маннгейма

Понимание выражений и действий, соответственно, и понимание имплицитно содержащихся в них ориентаций, предполагает, что мы знакомы с повседневностью, контекстом переживаемого, пространством опыта, к которому это выражение принадлежит. По Маннгейму, «при понимании духовных реальностей, которые принадлежат к определенному пространству опыта, мы схватываем

особенные экзистенциально связанные перспективы только тогда, когда мы как-либо переработали стоящую за ними взаимосвязь пережитого» [9, S. 272].

Маннгейм различает термины «понимание» и «интерпретирование». Те, кто узлами совместно пережитого связаны друг с другом, принадлежат к определенному «пространству опыта», непосредственно понимают и не нуждаются в интерпретации друг друга. Тем самым связаны два фундаментально различных модуса опыта, соответственно, социальности: основанный на непосредственном понимании «конъюнктивный» опыт и развертывающееся во взаимной интерпретации «коммуникативное» отношение. Этно-методология не позволяет дифференцировать эти модусы.

Кризисные эксперименты Гарфинкеля тем не менее невольно демонстрируют оба модуса социальности. Как подмечает Р. Бонзак [8, S. 216], экспериментаторы искусственно отказывались от само собой разумеющегося понимания внутри «конъюнктивного пространства опыта» и произвольно трансформировали ситуацию в коммуникативную (документальную) взаимную интерпретацию чужих друг другу субъектов.

Интуитивное понимание, которое вырастает из практики действий, Маннгейм объясняет на примере узла. Чтобы «понять» узел, мы должны воспроизвести процесс его изготовления, процесс работы пальцев. Это происходит интуитивно, на основе а-теоретического знания. В отличие от «понимания» узла, его сложно интерпретировать, т.е. достичь понятийно-теоретического объяснения процесса его плетения, его процессуальной структуры, генетической или документальной интерпретации. От интуитивного схватывания или понимания образа (узла), с одной стороны, и от его генетической интерпретации – с другой, отличается еще «имманентное рассмотрение». Имманентная интерпретация направлена на целерациональную взаимосвязь действий: я вяжу узел, чтобы отремонтировать что-либо, и таким образом конструирую целерациональное действие, а далее – коммуникативное на-

мерение в смысле мотива для-того-чтобы (у А. Шютца). В этом направлении смысл узла относительно легко эксплицировать. Документальная или генетическая интерпретация основывается, напротив, на процессуальной или секвенциональной аналитической реконструкции практик действия, а также процессах интеракции, дискурса и переживания насколько они текстуально доступны.

Конъюнктивный и коммуникативный опыт

В отличие от имманентного рассмотрения интуитивное схватывание или понимание связано с погружением в практику, что распространяется – аналогично техническим образам (узел) – и на социальные феномены. Маннгейм уточняет это на примере греческого полиса. Существование полиса и принадлежность к нему нельзя сводить к тому, что «отдельные субъекты его мыслят или каким-либо образом сознательно на него направлены» [9, S. 248]. В большей мере общее существование в тех мыслимых отношениях принадлежности к полису задает «конъюнктивное пространство опыта» участвующих субъектов на основе совместной практики – по ту сторону теоретического познания и коммуникативных намерений.

Совмещение в одном понятии двух значений указывает, что «как результат возникает фактически удвоение практик в каждом отдельном, как в понятиях, так и реальностях» [9, S. 296]. Эта двойственность образуемого паттерна/типа/образца, с одной стороны, вбирает конъюнктивный смысл, с другой – коммуникативный, имманентный смысл. Последнее обстоятельство напоминает, что «конъюнктивное пространство опыта» выступает итогом групповой практики действий. Тем не менее, интенция Маннгейма идет дальше – к отделению концепции конъюнктивного пространства опыта от феномена группы, т.е. от непосредственной интеракции, как это было сделано в его понятии поколения. Связь поколений конституируется, по Маннгейму, через участие в общих судьбах,

т.е. на основе близости событийных переживаний. Они являются экзистенциально определяющими, поскольку основываются на воспоминаниях, полученных в собственной практике действий, в отличие от коммуникативно присвоенного знания.

В противовес поколению, группа, по Маннгейму, – место не *генезиса*, а артикуляции и объективации поколенчески специфических, в целом коллективных переживаний. Группа – это эпифеномен для анализа милье-специфических пространств опыта, но она открывает валидный эмпирический доступ к артикуляции коллективных ориентаций. «Каждый культ, каждая церемония, каждый диалог – это смысловая связь, тотальность, в которой отдельное имеет свою функцию и роль, но целое есть нечто, что в его актуальной форме обращено к большинству индивидов и в этом смысле выступает через индивидуальное» [9, S. 232]. Эта смысловая связь, которую Маннгейм обозначал как коллективные представления, артикулируется в «церемониальные», т.е., в терминах современной социологии, хабиитуализированные, воспроизводимые практики дискурса. На этом основании документальный метод, как его можно понимать в маннгеймовском смысле, приоритетно, как полагает Р. Бонзак [8, S. 220], применим в рамках дискурс-анализа групповой дискуссии.

Дискурсивность коммуникативно опосредуемого опыта

Коллективные ориентации артикулируются в практике действий в двойном смысле. Первый, пропозициональный смысл закладывается в ориентациях, вычленяемых из рассказов о пережитых практиках интеракции. Они возникают примордиально метафорическим или вне теоретическим образом, не в понятийно-теоретической экспликации. Во втором, перформативном смысле ориентации развертываются в практике действий в дискурсивном процессе. Логично предположить, что организация дискурса зависит от того, идет ли речь об общих или структурно идентичных

переживаниях. В исследовании музыкальных вкусов молодежных клик методом групповой дискуссии Р. Бонзак осуществляет дискурсивное вмешательство в «центры» пережитого, где может быть обнаружен фокус коллективных ориентаций, а также условия их возникновения [8, S. 221]. Получаемые в результате подобного вмешательства и извлечения метафор развернутые описания Р. Бонзак обозначает как метафоры фокусировки. Соответственно, эта драматургия дискурса реконструируется в секвенциональной интерпретации. Методологически различие имманентного и документального смыслового содержания выводит исследователя на два ясно отграниченных друг от друга шага текстуальной интерпретации: формулирующая интерпретация и рефлекслирующая интерпретация. На первом шаге речь идет о том, чтобы, как только участниками дискуссии вербально сформулировано содержание, охватить имманентный смысл возможно полно. Структура формулирующей интерпретации – это тематическое членение, раскодирование имплицитной тематической структуры. На следующем шаге, собственно документальной интерпретации, исследователь рефлекслирует о процессе производства реальности в сравнении горизонтов пережитого и дискурса. Итогом рефлекслирующей интерпретации становится реконструкция формальной структуры дискурса. Схема Р. Бонзака содержит перспективы компаративного анализа и нацелена на формулирование типики сюжета, следуя при этом логике теоретической выборки А. Страусса и Дж. Корбин [10], а именно принципу «контраста в общем – различия в едином», и предположительно спасая от наивной идентификации случая и типа.

От коллективных представлений – к хабитусу и его позднейшим импликациям для категории гендера

Параллели с документальной интерпретацией Маннгейма можно найти и у историка искусства Эрвина Панофского, который

в ходе своего анализа стиля следовал упомянутому различению коммуникативного смысла и документального смысла, или области «смысла по сути» [11]. Носителем документального смысла, как усматривает Панофский, является хабитус как медиум конъюнкции, конъюнктивных опытов, но не дистинкции. Под хабитусом понимается не только *система* длительно сохраняемых диспозиций и способ производства стратегий, позволяющих встречать непредвиденные новые ситуации, но и *механизм воспроизводства социального неравенства*. В основе хабитуса лежит специфика социального положения. Акторы, характеризующиеся общностью социального положения, стремятся воспринимать социальные ситуации и действовать сходным образом, поскольку корреспондирующий с их социальным положением хабитус выступает «матрицей действия, восприятия и мышления» [12, S. 169]. Поскольку каждому социальному положению, по мнению Бурдьё, свойствен только один хабитус, то осуществляемая через него социальная ориентация означает одновременно и социальную дифференциацию. В итоге хабитус служит не нейтральным средством ориентации в обществе, а механизмом воспроизводства социального неравенства, т.е. дистинкции.

Как известно, Бурдьё раскрывает социальное положение через определенную конфигурацию капиталов (экономических, культурных, социальных). Объем и сочетание этих капиталов в итоге и определяют конкретный хабитус, манифестируемый в различных стилях жизни. Хотя Бурдьё в своем анализе концентрируется преимущественно на *классовых* различиях, понятие хабитуса существенно и для теоретической тематизации гендера¹. По крайней мере социальный класс для Бурдьё не в последней степени определяется тем местом, какое отводится в нем обоим полам и их социально усвоенным установкам [14, S. 185]. Лишь

¹ Хабитус как «инкорпорированная, ставшая природой, и, как таковая, забытая история» [13, S. 105].

в позднейших работах о мужском господстве он расширяет понятие хабитуса: «Хабитус производит социально гендеризованные конструкции мира и тела, которые хотя и не являются духовными репрезентациями, все же не менее активны» [15, S. 167]. И далее: «Мужские и женские тела... воспринимаются и конструируются соразмерно практической схеме хабитуса» [15, S. 174]. Если подытожить позицию Бурдьё социологически, то она бы звучала следующим образом: социальное существование пола связано со специфическим хабитусом, который предполагает одни практики и исключает другие. В этом смысле «хабитус» выступает в качестве основы, или *modus operandi* этнометодологической концепции половых практик (*doing gender*), порождая различные перформативные формы и маскулинностей, и феминностей.

Понятие «гендерный хабитус», возникшее из переноса категории П. Бурдьё на отношения полов, было углублено в ходе интерпретации эмпирических данных М. Мойзера, показавшего, что жизненные ситуации мужчин прежде всего отличаются тем, насколько у них выражено чувство хабитусной уверенности/безопасности [16, S. 108]. Концепция маскулинного хабитуса описывает, как мужское бытие производит себя в отличие от женского (измерение различий), а также как в процессе производства различий возникает мужская доминантность (измерение неравенства). Маскулинный хабитус проявляется во множестве форм: и как общая ответственность за благо семьи (глава семьи), и как физическое насилие, и как защита и охрана близких, и как гипермаскулинность типа Рэмбо или латинского мачо. Жизнь в соответствии с мужским хабитусом порождает чувство хабитусной уверенности/безопасности в рамках определенного социального порядка. Этот порядок сродни «основе повседневности» в понимании Э. Гуссерля и отражен в словах-типизациях «и так далее, и тому подобное». Из хабитусной уверенности, по мнению Ф. Яннинга, вытекает «осознанное согласие с хабитусной судьбой» [17, S. 31] как позитивно воспринимаемое принуждение.

Какими средствами защищается эта хабитусная уверенность, если меняются структуры гендерного порядка? Когнитивными средствами поддержания хабитусного порядка – согласно этнометодологам, а также П. Бурдьё, – служат стратегии нормализации: приведение к норме и отклонение ненормативного. Именно они обнаруживают коллективно разделяемое смысловое содержание маскулинности и требуют в качестве необходимого условия для своей реализации существования гомосоциальной атмосферы мужских сообществ. Гомосоциальность глубоко функциональна с точки зрения потребности в социальном пространстве, «свободном» от женщин, в границах которого коллективно разделяемые смыслы мужской жизни типизируются и приобретают межличностную значимость. Гомосоциальность относительно автономна и гораздо более структурирована и иерархизирована, чем фемосоциальность. Но что можно эмпирически утверждать относительно субъективных теорий нормативной маскулинности в милье/среде среднего и рабочего класса, при всей неоднозначности употребляемых сегодня терминов?

*Эмпирический кейс: реконструкция
субъективной теории маскулинности
среднего и рабочего класса*

Условия и процедура групповой дискуссии

Методически изучить обыденное знание о типизированных решениях (мужских) проблем, т.е. реконструировать их толкования в собственной экзистенциальной ситуации, было бы адекватнее методом групповой дискуссии, поскольку наш интерес направлен на реконструкцию *коллективного* смыслового содержания, и *коллективная* дискуссия дает к этому прямой доступ. Метод биографического нарративного интервью лишил бы нас в данном случае необходимого соотнесения типизаций с воспроизводством

результатов предыдущих групповых интеракций. Мое присутствие во время групповой дискуссии – т.е. присутствие Чужой/Женщины – заставляет членов группы формулировать свои опыты и позиции значительно сильнее и определеннее, нежели в привычных условиях повседневной интеракции *внутри* группы. Самое главное, что при такой организации дискуссии становится явным, артикулируется то «само собой разумеющееся» содержание, которое и раскрывает смысловой горизонт группы.

Еще одним важным «маннгеймовским» условием организации групповой дискуссии был неслучайный характер ее участников: мужчин в группе объединяет общая история интеракции и уже сложившаяся групповая динамика – со своими лидерами, аутсайдерами, внутренними экспертами и в меру молчаливым большинством. Кроме того, характеристика группы – это и типика милье, понимаемая вслед за К. Маннгеймом как «разделенное пространство опыта» [5, S. 108]. Другими критериями служили возраст и социально-профессиональная принадлежность. Возрастные границы охватывали период от 30 до 50 лет, что предполагало наличие образования, профессии и постоянного партнерства/брака. Социально-профессиональная идентификация первой группы связана со средним классом, техническим и экономическим высшим образованием, негосударственным сектором экономики. Вторая группа, привлеченная для обеспечения максимального контраста, состояла из представителей рабочего класса того же возрастного диапазона со средним/среднетехническим образованием. В ходе интерпретации данных вновь привлекались критерии максимального и минимального контраста, но уже на качественном материале – с целью реконструкции общего и различного и построения на их основе теоретических обобщений. Этот, уже упомянутый подход к анализу качественных данных отражен в известной «обоснованной» теории Глезера и Страуса, а также Корбин [10].

Предварительное и самое общее структурирование групповых дискуссий было сфокусировано первым вопросом: «*Что*

значит для вас быть мужчиной?». Затем роль ведущей свелась к поддерживающему и парафразирующему принципам. Когда повисали паузы, кратко повторялся последний пассаж и предлагалось прокомментировать его тем, кто еще не высказывался. Каждая дискуссия длилась один час. Нужно отметить, что первый вопрос воспринимался абсолютным большинством участников с глубоким недоумением и скепсисом, с подозрениями со стороны групповых «экспертов» в том, что смысл происходящего лежит вообще в другой плоскости. И это весьма оправданная общая реакция, если в основе ориентаций группы лежат традиционные маскулинные ценности, по отношению к которым не нужно занимать рефлексивной позиции, но их конкретное прояснение в модернизированном социальном мире представляет колоссальную сложность и вызывает поэтому на первых порах реакцию раздражения.

Полученный в результате расшифровки текст дискуссии подлежал оценке с точки зрения конъюнкции опыта – коллективных взаимосвязей значений, а не субъективных интенций и мотиваций. Содержание текста анализировалось секвенциально, со сравнением близких по смыслу и контрастных смысловых сюжетов, что в принципе отвечает идеям текстуального, а также конверсационного и нарративного анализа.

Дискурс мужской ответственности у представителей среднего класса

Возвращаясь к трудности ответа на вопрос, что значит для участников групповой дискуссии «*быть мужчиной*», важно отметить, как эта проблематика драматургически развивалась во времени. Сначала вопрос ставился под сомнение с точки зрения его адекватности. Затем члены группы констатировали, что различий между мужчинами и женщинами перед лицом общества нет. Далее разворачивались описания *взаимоотношений других*, знакомых мужчин и женщин в

качестве модели, по поводу которой группа солидаризировалась в ее отклонении или принятии. И, что очень важно, уже на основе этих эмпирических картинок делался вывод, что на самом деле все – мужчины и женщины – очень разные. Этот момент выводит на основу валидизации, которую можно назвать «правдой жизни», и представляет результат коллективной работы членов группы.

По мере наслаивания описаний других следует радикальное признание – миры мужчины и женщины разнятся как две Вселенные. И только после этого собеседники подходят к концептуализации собственного жизненного опыта как *мужского*, сначала – в общем стереотипизированном виде, а затем и в конкретной жизненной практике: «То, что для меня важно, это семья и работа. А кредо – “всегда”. Мужчина – это действующее начало, что-то меняющее в мире». Такая omnipotentная активность, безусловно, должна найти помимо *приложения* – т.е. семьи и работы, систему «сдержек и противовесов», как выражаются наши политики. Обнаруживается, что этим сдерживающим началом выступает женщина. Ее субстанциональное отличие усугубляется тем обстоятельством, что «кто-то» использует его, инструментализирует в целях достижения социальной гармонии:

Различия между мужчиной и женщиной есть, и они используются в коллективе. Раньше в институте, и здесь, в коллективе. Было замечено еще в институте, что в группах только из юношей начинался загул, распоясывание. Затем добавили по 2–3 девушки в группы: стало спокойнее, перестали эмоции через край выливаться. Все стали вести себя сдержаннее. То же и в коллективе, и в обществе. Женщина оказывает облагораживающее воздействие.

В этом отрывке отчетливо видна «отношенческая» конструкция маскулинности и феминности в коллективе, их взаимозависимость, взаимообусловленность и взаимосконструированность.

Но это еще не индивидуально-рефлексивный опыт, приближение к рассказу о нем достигается через нарратив опять же о женских фигурах близкого круга семьи:

Моей дочери 21 год... она видит, что вокруг делают мужчины. Берет у меня нужные инструменты, машину водит, за компьютер садится, в ее поступках я вижу мужскую логику решений. Так, например, села в чужой автомобиль и посмотрела в боковое зеркало, закрыта ли задняя дверь... Сын рос в другое время, тогда не было благосостояния. Он вырос более мягким, он может советоваться с мамой, обсудить с ней какие-то вопросы. А эта коза – женщина, которая принимает самостоятельные решения. Небо и земля. А мама не может запрограммировать фильм на видео вечером. Многие определяют наше благосостояние.

Логика аргументации здесь увязывает изменение половых ролей во втором поколении (маскулинизацию женской роли и феминизацию мужской) с наличием благосостояния, которое понимается в первую очередь как оснащение домохозяйства техническими «игрушками»: видео, компьютер, машина, компетенция в овладении которыми традиционно принадлежала ранее мужчинам. И теперь социально более подвижный – женский – пол осваивает прежде чужие сферы. Это воспринимается как глубокие перемены, эмоциональную оценку которых уловить непросто, поскольку речь идет о дочери участника дискуссии.

После приоткрытой двери в частную жизнь в атмосфере групповой дискуссии происходит качественный перелом, уже следует обмен нарративами, раскрывающими личный биографический опыт мужчин с подтекстом маскулинного предназначения.

Я в то время (конец 1980-х) менял работу. И состоялся у меня такой разговор с главным конструктором. Зачем, мол, ты уходишь, у тебя здесь такое положение. Я говорю ему, понимаешь, я 15 лет работаю на предприятии и за эти годы мне не разу не подошла очередь даже кроличью шапку получить. А почему такой разговор произошел: жена собралась получать вторую квартиру, я пришел в профком и говорю, вы мне хоть мебель запланируйте. Да-да, говорят, и вот тут через месяц ордер, и узнаю, что приходит стенка мебельная и отправляют ее к нам в отдел, и вдруг выясняется, что стенка уходит женщине, которая дольше меня на 5 лет работает. И пока

я там 15 лет работал, она получает уже вторую стенку. Я завелся, написал заявление и ушел. Поставил себе цель: проработать 5 лет в Москве (мы жили в Подмосковье), за это время заработать, смочь заработать, чтобы купить тут квартиру и отделить детей. Вот, и когда пришлось опять сменить работу, я детям сказал: ребятки, я свою цель уже выполнил, я проработал 7 лет в Москве, квартиру купил 2-х комнатную, а теперь давайте обсуждать следующие цели, но теперь они ВАШИ.

В этом длинном нарративе тесно переплетено время социальное и биографическое. Причем где-то оно сжато («прошло 15 лет»), а где-то насыщено изменениями: когда социальная ситуация открыла ранее недоступные возможности для заработка, рассказчик переходит от пассивного ожидания «кроличьей шапки» в профкомовской очереди к постановке целей, которые воспринимаются им и членами семьи программатически. Поставить себе цель заработать на квартиру в Москве и реализовать эту цель выглядит куда более сильным (мужским) поступком, чем унижительная конкуренция с женщиной-сотрудницей по поводу мебельной стенки. При этом пример и предложение отца в определенной степени структурируют и жизненные стратегии детей.

В последующих репликах и кратких нарративах отслеживается определенное сходство с предыдущим: почти все участники дискуссии имели общий жизненный опыт смены профессии/работы в эпоху радикальных экономических перемен.

Мы все прошли через вариант смены работы, чтобы улучшить благосостояние семьи, даже не свое. Хорошо помню то время, когда я работал на кафедре научным сотрудником. По тем, еще советским временам, ну, кем еще становиться – кандидатом наук, доктором, преподавать. Но пошла перестройка, и я понял, что там я буду зарабатывать очень мало, и моя семья, за которую я отвечаю, она будет жить очень плохо. Таким образом, основным толчком было – надо менять работу, надо что-то делать, раз такая ситуация. Оно во мне внутри было, какое-то чувство ответственности, не только за себя, но за своих близких. Наверное, это почти у всех мужчин так.

Ключевое выражение «ответственность за семью» получает здесь коллективную валидизацию благодаря поддержке и развитию последней фразы («почти у всех мужчин так»):

Все мы оказываемся в той ситуации, когда мужчина кардинально меняет работу, насколько я знаю по своим знакомым, а женщины в основном остаются на своей работе и ищут дополнительные заработки. А мужчины в основном бегают в связи с тем, что ответственность за семью, корм тащить домой...

Но эти обобщения рассказчиков наталкиваются на жизненный опыт других мужчин, жены или знакомые которых испытывают не менее серьезные изменения в жизни, приведшие к трансформации гендерного контракта полов:

Сейчас многое меняется. Если в Совдепии, скажем, мужчина был добытчиком, изначально сверху все воспринималось и делалось, то сейчас в этот переходный период все это меняется коренным образом, хотя психология людей, конечно, осталась прежняя. Женщины-бизнесвумены блестяще это делают, и они становятся этими добытчиками. Поэтому все это перетекает, меняется. Пока еще это устаканится... Да и смотря что женщина выбирает. Одной нужно детей рожать, другой – свое. У кого какое свободное время есть, тот и делает.

Признание плюрализма призваний, независимо от половой принадлежности, является здесь не отвлеченной метафизикой пола, а конкретным жизненным опытом. Тот же рассказчик:

Мой личный опыт связан с тем, что жена зарабатывала больше. Она тысяч в 10 больше зарабатывала, чем я. Сначала я чувствовал себя спокойно. Я всегда спокойный. Я ведь тоже до перестройки зарабатывал какие-то определенные деньги, ну, а потом, наверно, когда супруга получает в тысячи раз больше, а не наоборот, то постепенно чувствуешь себя... (Молчит с горьким выражением лица.)

В этот момент происходит дискурсивно интересный, претендующий на статус субъективных теорий, обмен репликами.

– Я думаю, прежде всего, меняется отношение самой женщины.
– Конечно, и кардинально.
– Или мужчине так кажется.
– Эти женщины ведь тоже воспитывались в то время, когда мужчина был добытчиком. И получается: папа был добытчиком, у всех знакомых дядь, тетя тоже. А мне не повезло, накладка вышла.

Критерии выделения текстуальных пассажей:

- дискуссионный отклик других участников дискуссии;
- проявление метафор фокусировки на экзистенциальном опыте, которые придают высокую плотность описанию;
- высокая релевантность пассажа для обсуждаемой темы (коллективной маскулинной идентичности).

В этом кратком диалоге развертывается непростая картина перевернутой пирамиды властных отношений в семье. Традиционно женщина воспринимает главу семьи в том случае, если им выполняется функция добытчика. Но и эмансипированная женщина, выстраивающая жизненную стратегию на основе карьеры с видимым материальным успехом, остается носительницей тех же традиционных гендерных ожиданий по отношению к партнеру. Собственно это и становится версией причины развода одного из собеседников.

Вообще тема проблематизации соответствия возросшим ожиданиям партнерш/жен занимает значимое пространство разговора:

А тут еще возраст и всякие социальные вещи. Чтобы ты не просто торговал на рынке, был не миллионером на рынке, а бизнесменом, предпринима-а-телем.

И в заключение дискуссии происходит показательный диалог, процессирующий вербализацию компонента обыденного знания, рефлексивную участника дискуссии и коммуникативную валидизацию в ходе обоснования субъективной теории маскулинности.

- Разговор участника дискуссии (А) и ведущей (Б)
- А.: А вообще мужчина должен как это... воспитать сына, посадить дерево, построить дом.*
- Б.: Вам это удалось?*
- А.: Если воспитать ребенка, это мы еще сможем, дерево посадить наверно тоже сможем. А вот дом построить – это да-а-а...*
- Б.: Значит ли это, что вам тяжело состояться как мужчине?*
- А.: Получается, да.*
- Б.: Но вы сами выбираете эту формулу!*
- А.: Получается. А кто виноват? Я виноват, не раскрыл свои возможности. Не было такой цели или мне не дали.*
- Процесс аргументирования обывденного знания
- А. Привлечение метафоры, легитимирующей жизненный образец мужчины – обоснование мужского кредо.*
- Б. Интервенция, ставящая метафору под сомнение или возвращающая ее в жизнь.*
- А. Тест метафоры на жизнеспособность, конструирование усеченной метафоры, с которой возможна идентификация.*
- Б. Дальнейшая интервенция оценочного характера, стимулирующая к переходу от описания к рефлексии.*
- А. Коммуникативная валидизация результата рефлексии состоялась.*
- Б. Следующий шаг интервенции, обнаруживающий соучастие актора в выборе модели обывденного знания.*
- А. Коммуникативная валидизация самооценки.*

Группа приходит на помощь моему собеседнику и резюмирует: «Если вообще ставить реальные цели, они должны быть ступенчатыми. Когда реальная цель достигается, надо ставить следующую».

Этот диалог высвечивает очень важное обстоятельство, влияющее на дискурсивную конструкцию маскулинности. Это – глубинная потребность в идеологии или этике маскулинности. Ее формулирование чрезвычайно затруднительно, для этого привлекаются источники ушедших культурных эпох (например, «Мыслящий тростник» Б. Паскаля). Но эти же готовые формулы могут оказаться ловушкой и источником фрустрации («Я виноват»), поскольку реальная фоновая практика гендера и социально-культурные рамки настолько противоречивы, что конкретная биография мужчины не укладывается в их прокрустово ложе. Что же остается в непротиворечивом «сухом остатке» групповой дискуссии, что наполняет содержание коллективно разделяемого маскулинного хабитуса?

- Мужчине легче себя определить или позиционировать в отношениях с женщинами, мужчина как таковой – загадочен и архаичен.

- Жизненные миры мужчины и женщины разнятся как две Вселенные.

- Свое предназначение мужчины формулируют как чувство ответственности за близких/семью, что одновременно порождает иерархическую систему, где ответственность сопряжена с правом.

- Трудности гендерной идентификации современного мужчины или маскулинного хабитуса сопряжены с хабитусной же неуверенностью, порождаемой проблематизацией роли добытчика/кормильца, а также возросшими гендерными ожиданиями со стороны женщины.

- Гендерный контракт не имеет характера незыблемого, он подлежит пересмотру в повседневной практике взаимоотношения полов, что отзывается повышенным напряжением и фрустрациями в случае неоправданности ожиданий.

- Наблюдается определенный кризис маскулинной идеологии, когда классические формулы не выдерживают проверки временем, и концептуализация спускается на уровни, близкие к социальной практике с ее прагматизмом и рациональностью («ставить реальные цели»).

- Гомосоциальность играет чрезвычайно важную роль в совместном построении членами группы баланса между коллективным маскулинным опытом и моделями объяснения в повседневности, т.е. выработке стратегий нормализации в деле защиты гендерного порядка.

Мужской прагматизм представителей рабочего класса

Групповая дискуссия была проведена на одном из московских заводов металлургической промышленности. Группа состояла из десяти человек в том же возрастном диапазоне, что и первая, большинство членов группы состояли в браке/партнерстве. Наконец, это был тот же тип «естественной» группы, спаянной общим конъюнктивным опытом интеракции.

Как и в предыдущей группе, вопрос, что значит для вас быть мужчиной, показался странным, хотя эмоционально и в меньшей степени. Сходным образом приближение к совокупному ответу на этот вопрос растягивалось во времени и развивалось через тематизацию сначала роли женщины на работе и в семье, и лишь затем подходили к описанию роли мужчины. При этом рабочие рассуждали об идеологии взаимоотношения полов значительно меньше, чем представители среднего класса.

Если женщина умная, почему она не должна сделать карьеру? Если она работоспособная, с людьми в хороших отношениях – почему бы ей не стать начальником цеха? Человек неглупый, грамотный – я за, чтобы такие люди были. Если женщина справляется лучше, чем мужчина, то начальник ее оставит. Ведь он старается оставлять тех людей, которые бы работали.

Вот так, исподволь, не выходя за рамки контекста, собеседник подходит к оценке *женщины* прежде всего с точки зрения выполнения ею трудовых обязанностей *работницы*. Пока здесь просматривается только функциональный аспект, но также затронуты конкуренция и оценивание функциональности женского труда мужчиной-начальником. Их формальные отношения отмечены рациональностью («отбор тех, кто работает») опять-таки мужчины, начальника.

Если бы мне платили приличные деньги, то жена могла бы и дома сидеть с ребенком, как это и полагается, – уделять внимание ребенку, домашним делам и всему остальному. Но сейчас ведь рабочий не может содержать семью полностью. Может быть, и может, но это в натяг жить.

Эта цитата контрастирует с аналогичным сюжетом в первой группе, где один из участников испытывал чувство фрустрации, *личной* вины из-за невозможности выполнить соответствующую мужскую роль. В данном же случае собеседник лишь отмечает в сослагательном наклонении, что неплохо бы реализовать традиционную модель семьи (муж-кормилец/жена-домохозяйка). Но к невозможности такой жизни он подходит вполне прагматично, не интернализуя вину за социальные обстоятельства.

Вообще рассказывать участникам этой группы об отношениях мужчины и женщины *вне* институционального контекста оказалось очень непросто. Им проще говорить, что наполняет их повседневность: это не перипетии отношений, а реальность трудовых дел и коммуникация по их поводу в преимущественно гомосоциальном сообществе. Так приблизительно выглядит типичный день рабочего.

У нас второй корпус, человек 5 слесарей. Утром приходишь, обходишь все. Что поломалось за смену, начинаешь делать. Потом текучку начинаешь делать. Обед у нас 45 минут. После обеда то же самое, делаешь запасные детали, если в смену что полетит, чтоб

запас был. Так и продолжается, как конвейер. То одно делаешь, то другое. Потом приходишь домой, зашел в ванную, руки помыл. Перекусил что-то и побежал в гараж...

Показательно обилие глаголов, частого перечисления действий, не удивительно, что близка по стилю и попытка суммировать в итоге мужскую роль:

Мужчина, он должен уметь все делать, хотя бы понемногу во всем разбираться. По работе в первую очередь, да и дома во всех мелочах. Он умелец. Когда умеешь, то и люди к тебе обращаются. Правда, плохо, когда слишком много обращаются.

Что тут же получает поддержку группы:

Мужчина должен быть самостоятельным, иметь голову на плечах и руки умелые. А чтобы стать им, нужно суровое воспитание от деда, отца. Моя основательность от деда, интересно было наблюдать за ним... Мужчине нужно пройти жесткие, не тепличные условия, чтобы где-то повращаться не среди женщин, особенно тем, кого воспитывала только женщина.

В отличие от группы среднего класса, здесь, чтобы состояться как мужчине, требуются несколько другие факторы – умелые руки и самостоятельность. Причем эти качества системообразующие, они структурируют социальность, выстраивают отношения. И что особенно важно, для их приобретения необходима гомосоциальность.

В ходе дискуссии была затронута и жизненная ситуация, когда мужчина зарабатывает меньше жены/партнерши:

У меня двое детей, сын большой уже, а дочка маленькая. В основном с ней жена занимается. Она у меня работает в банке. Зарабатывает почти так же. В какое-то время больше зарабатывала, а сейчас у них на одном месте стоит... Разборки? Об этом и разговора не было. Думаю, что так и должно быть. Если кто-то зарабатывает меньше или больше, это не должно задевать. А что сделаешь? Может, и рад больше зарабатывать, но не платят. Ну, что сделаешь.

Это – момент так называемого минимального контрастирования качественного материала, когда из разных сравниваемых источников подбираются социально близкие ситуации. Если мы вспомним, что аналогичная ситуация в другой группе привела к возрастанию гендерных ожиданий партнерши и в итоге к разводу, то здесь рассказчик относится к этому прагматично: каждый делает то, что в данный момент может. При этом на гендерном контракте внутри семьи это не сказывается. Может быть, потому что концептуализация маскулинности здесь движется по линии *умений и самостоятельности*, приобретя которые, мужчина мало рискует их утратить вследствие изменения социально-экономической ситуации. Если же он выстраивает свою идентичность на *чувстве ответственности* за семью, на балансе гендерных ожиданий, требующем постоянного подтверждения (как в группе представителей среднего класса), то его маскулинность оказывается под вопросом. В итоге возникает *хабитусная неуверенность*. Здесь же, в группе рабочего класса обнаруживается признание *общей* экзистенциальной неуверенности, объединяющей и солидаризирующей на своей почве *оба* пола. И маскулинный *хабитус* рабочих кажется не затронутым этой экзистенциальной неуверенностью, поскольку существует несколько в иной плоскости.

Итак, подведем некоторые итоги по групповой дискуссии с представителями рабочего класса:

– концепт маскулинности здесь строится на индивидуальном проекте *умений и самостоятельности*, но их приобретение требует гомосоциального воспитания и пребывания в суровых условиях и мужском сообществе;

– этот маскулинный *хабитус* тоже построен на традиционном ролевом каркасе, но в меньшей степени представляет собой «отношенческий» (*relational*) конструкт, его сердцевина менее зависит от переопределения социальной ситуации, в которую встроены гендерный контракт;

– здесь меньше выражена хабитусная неуверенность от неисполнения маскулинной роли, меньше идеологии и метафизики по поводу изменившейся роли женщины;

– опыт малого по сравнению с женой заработка не приводит к фрустрациям перед лицом общей экзистенциальной неуверенности.

Заключение

Выводы автора статьи можно сформулировать в содержательном и методологическом ключе. Резюмируя содержательно попытку сформулировать субъективную теорию маскулинности на основе проведенного сравнения результатов групповых дискуссий в социально различных милье, отметим, что представители среднего класса (бывшая техническая интеллигенция) более чем представители рабочего класса, склонны к идеологизированной теории о предназначении женщины, нагруженной патриархатными стереотипами. Именно отталкиваясь от них, делаются попытки сформулировать субъективную теорию маскулинности: ответственность за семью и близких. Таким образом, это сложный реляционный комплекс, требующий для своего прояснения связи со значимыми Другими, прежде всего женщинами. Идеологическая нагруженность и кризисное социальное время приводят к тому, что маскулинный хабитус из заданности превращается в задание, а маскулинная этика и фоновая практика пола принципиально не совпадают. У представителей рабочего класса этот зазор явно уже. Они куда менее склонны рассуждать об отношениях с женщинами вообще, а о субъективной теории предназначения мужчины говорят в прагматичном ключе – как о решении конкретных задач выживания в трудное социальное время. Пожалуй, их маскулинный хабитус даже выглядит не столь патриархатным, как ожидалось от представителей традиционной гендерной культуры. Из этого вытекает, как это ни парадоксально, что представители среднего

класса более склонны к сексизму и фрустрации относительно проблематизации мужской роли, чем представители рабочего класса. Из проведенного сравнения также можно сделать вывод, что угроза *хабитусной уверенности*, понимаемой как 1) уверенность в значимости своей роли в семье, 2) формы, способы и содержание интеракций между мужчинами и женщинами, а также между мужчинами, 3) стратегии и формы самопрезентации, – становится реальной тогда, когда *собственные* действия воспринимаются мужчинами как наполненные специфическим гендерным («мужским») содержанием. Вопрос: «Смогу или не смогу *как мужик?*» актуализируется в ситуации социальных потерь, поскольку пол становится тем ресурсом, на основе которого выстраиваются стратегии выхода из семейного, профессионального и тому подобных кризисов. Вероятно, маскулинная уверенность представителей рабочего класса и выглядит менее размытой благодаря устоявшейся гендерной культуре с ее традиционными когнитивными стратегиями нормализации, оказавшимися эффективными в условиях меняющегося социального порядка.

В методологическом плане, в рамках проведенных групповых дискуссий субъективные теории маскулинности получили когнитивную почву благодаря объединенному концепту конъюнктивного опыта в миле и понятию *хабитусной уверенности*. В отличие от индивидуального биографического интервью на тему маскулинной идентичности, групповые дискуссии на эту тему продемонстрировали иной уровень генерализации, подтвержденной в процессе дискуссии самими участниками. Пассажи общей дискуссии, которые вызвали отклик других участников, как свидетельство проинтерпретированного конъюнктивного опыта, метафоры фокусировки на экзистенциальном опыте, которые придают высокую плотность описанию, а также высокая релевантность пассажей для обсуждаемой темы (коллективной маскулинной идентичности) стали методическими маркерами кристаллизуемого в дискуссии обыденного знания о нормативной маскулинности.

Применение коммуникативной валидации как интервенирующим исследователем/модератором, так и рядовыми участниками, своими нарративными пассажами уплотняющими конъюнктивный характер транслируемого опыта, способствовало общей генерализации обсуждаемой темы. Таким образом, мы обнаружили, что субъективные теории маскулинности, укорененные в социально различных милье, в чем-то «пересекаются» с содержанием работы Мангейма, посвященной документальной интерпретации, в частности, разделяют такие общие эпистемические ценности, как процессуальность, воспроизводимый наложенный пережитой опыт и секвенциональность анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Groeben N., Scheele B.* Dialogue-Hermeneutic Method and the «Research Program Subjective Theories» [9 paragraphs] // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 10.2001. No. 2(1) [on-line]. URL: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/2-00/2-00groebenscheele-e.htm>.
2. *Groeben N., Wahl D., Schlee J., Scheele B.* Das Forschungsprogramm Subjektive Theorien: Eine Einführung in die Psychologie des reflexiven Subjekts. Tübingen: Francke, 1988.
3. *Struktur-Lege-Verfahren als Dialog-Konsens-Methodik* / Ed. by B. Scheele. Münster: Aschendorff, 1992.
4. *Bohnsack R.* Rekonstruktive Sozialforschung: Einführung in qualitative Methoden. 5. Aufl. Opladen: Leske und Budrich, 2003.
5. *Mannheim K.* Wissenssoziologie, 2. Aufl. Neuwied: Luchterhand, 1970.
6. *Гарфинкель Г.* Обыденное знание социальных структур: документальный метод интерпретации в профессиональном и непрофессиональном поиске фактов // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 1. С. 3–19.
7. *Абельс Х.* Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 98–124.
8. *Bohnsack R.* Dokumentarische Methode und die Analyse kollektiver Biographien // Biographische Methode in den Humanwissenschaften / Hrsg. G. Juettermann, H. Thomae. Weinheim und Basel: Beltz, 1999. S. 213–230.
9. *Mannheim K.* Strukturen des Denkens. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1980.
10. *Strauss A., Corbin J.* Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedure and Techniques. Newbury Park, 1990.

11. *Panofsky E.* Ikonographie und Ikonologie: Eine Einfuehrung in die Kunst der Renaissance // Panofsky E. Sinn und Deutung in der bildenden Kunst. Koeln: Dumont, 1975. S. 36–67.

12. *Bourdieu P.* Entwurf einer Theorie der Praxis auf der ethnologischen Grundlage der kabyllischen Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1979.

13. *Bourdieu P.* Sozialer Sinn: Kritik der theoretischen Vernunft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1993.

14. *Bourdieu P.* Die feinen Unterschiede: Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1987.

15. *Bourdieu P.* Die maennliche Herrschaft // Doelling, I., Kraus, B. Ein alltaegliches Spiel: Geschlechterkonstruktion in der sozialen Praxis. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997. S. 153–217.

16. *Meuser M.* Geschlecht und Maennlichkeit: Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster. Opladen: Leske u. Budrich, 1998.

17. *Janning F.* P.Bourdieu's Theorie der Praxis: Analyse und Kritik der konzeptionellen Grundlegung einer praxeologischen Soziologie. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1991.